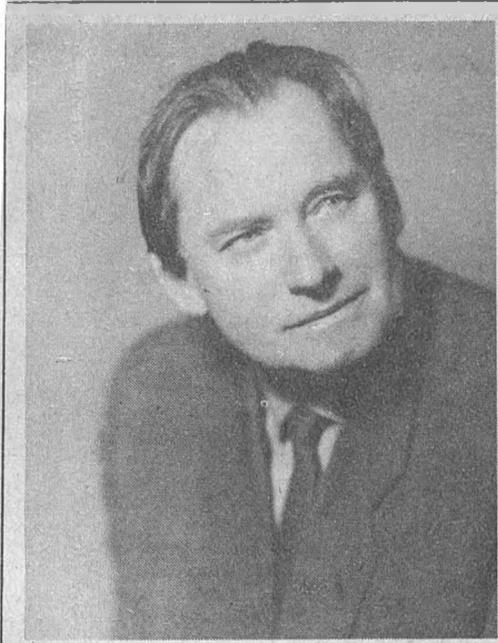

✳ Встреча с интересным человеком

Сергей Михайлович БАЛАШОВ,
народный артист
Российской Федерации

В своей книге «180 дней в огне сражений. Из записок командира 62» прославленный советский военачальник, наш земляк, уроженец Серебряно-Прудского района, маршал В. И. Чуйков писал: «К нам в Сталинград приезжал артист Сергей Михайлович Балашов. На свои сбережения он купил танк и подарил его Красной Армии. В Сталинграде для бойцов Балашов дал ряд концертов. Его выступления воодушевляли защитников Сталинграда. Я был на концерте и видел, с какой благодарностью бойцы встречали этого человека».

И еще, о чем говорил позднее Василий Иванович Чуйков (его слова приведены в книге «Музы на фронте»): «Балашов был первым из артистов, прибывших в нашу 62-ю армию. Он приехал к нам, владея оружием художественного слова, проникнутого идеями высокого патриотизма. Немцы владели отличной техникой, но против того, чем располагал Балашов, оружия у них не было».

Прошло более сорока лет с той поры, о которой вспоминал бывший командир легендарной 62-й армии. И вот на днях корреспондент «ЛЗ» встретился с народным артистом Российской Федерации С. М. Балашовым, чье творчество стало в послевоенные десятилетия известно миллионам людей.

Художественного слова снайпер

— Сергей Михайлович, прежде всего вот о чем хотелось вас спросить. Маршал Чуйков в своей книге упоминает о танке «Т-34» с надписью на борту «Сергей Балашов», который вы подарили Красной Армии. При каких обстоятельствах это происходило?

— Шел 1942 год. Советские люди не жалели сил, чтобы помочь всем, чем могли, сражавшейся с фашистами Красной Армии. В то время и родился замечательный патриотический почин: колхозный пчеловод Феррапонт Головатый на все сбережения своей многолетней трудовой жизни приобрел боевой самолет для истребительной авиации. Его примеру последовали многие. Помнится, в частности, что такой же дар военным летчикам сделали художники Кукрыниксы и поэт Маршак, артисты Малого театра и другие. Вот тогда и мы с моей покойной ныне супругой Марией Павловной решили сделать свой взнос на сооружение танка «Т-34».

Продали великолепную библиотеку, которая собиралась долгие годы. Подсчитали — только 80 тысяч рублей. А танк стоит 100! Тогда распорядились большую часть причитавшейся нам зарплаты переводить на специальный открытый банковский счет. Так и образовалась нужная сумма. Ну а надпись на борту сделал по своей инициативе уже сам танковый экипаж, когда я передавал ему изготовленный в Нижнем Тагиле новенький «Т-34».

— И какова была дальнейшая судьба машины?

— Ее экипаж участвовал в разгроме гитлеровцев под Сталинградом, во взятии Киева, прошел с боями пол-Европы, вел огонь в поверженном Берлине по рейхстагу. Экипаж «Т-34» под командованием капитана Ивана Алексеевича Дмитриева завершил свой славный победный путь в Праге.

— Сергей Михайлович, говорят, в годы Великой Отечественной войны вы провели более тысячи выступлений в частях действующей армии?

— Было такое. Концерты наших артистических бригад проходили у пехотинцев и танкистов, артиллеристов и летчиков, моряков и саперов. Однажды на Северном Флоте выступали на подводной лодке, атаковавшей незадолго до того линкор «Тирпиц». Его командовал капитан второго ранга Лунин, большой любитель искусства. Прямо у торпедных аппаратов я читал стихи Маяковского. На торпедке № 6 написал, подражая почерку поэта, его фамилию. А спустя несколько дней, когда подводная лодка была на очередном выходе в Баренцевом море, с ее борта пришла радиogramма: «Бригадиру фронтовой бригады Сергею Балашову. Автограф Маяковского доставлен адресату водоизмещением шесть тысяч тонн. Николай Лунин».

...Необычайное впечатление оставляет просторный рабочий кабинет Сергея Михайловича. Вместительные стеллажи с сочинениями Маркса и Ленина, Циолковского и Павлова, с редкими книгами по истории искусства и тут же разнообразная звукозаписывающая аппаратура, образцы уральских минералов... Поначалу и не поймешь: кто же хозяин этой комнаты — инженер или писатель, рабочий или звукооператор, геолог или человек, увлеченный кинотехникой. В неожиданном соседстве здесь пребывают и заваленный рукописями письменный стол, и разложенные на верстачке сверла, резцы, пассатижи, клещи. (К слову сказать, подобный рабочий инструментарий значительно пополняется в летние месяцы, когда Балашов трудится на своем участке в дачном поселке Солнечное в Мытищинском районе: его умелым руками не привыкать управляться и с лопатой, и с косой, и с вилками...)

И еще, что сразу привлекает внимание в этом кабинете: висящая на стене большая географическая карта, густо испещренная красными кружками. Кружков этих сотни — от Арктики до Папира, от Сахалина до Карлиата. Тут города и поселки деловитого края и Братская ГЭС, и город-герой Волгоград, и новостройки Урала... А в левой части карты — места, где выступал Балашов со своими концертами в Болгарии и ГДР, Польше, Чехословакии, Австрии. Это карта маршрутов, проделанных более чем за полвека «Театром одного актера».

— Есть ваш, наверное, среди множества наших выступлений такое, что вам особенно запомнилось?

— Оно происходило в Шушенском, где когда-то отбывал си-

бирскую ссылку Ленин. Местные жители собрались около домика-музея, где жили Владимир Ильич и Надежда Константиновна Крупская. Здесь я читал им поэму Маяковского «Владимир Ильич Ленин», с которой выступал до этого во многих городах и концертных залах. Но не припомню за долгие годы случая, когда бы так остро ощущал волнующий до глубины души контакт со слушателями, как в тот день.

Может быть, именно тогда я с особенной остротой ощутил: если смотришь в глаза своему народу, надо говорить ему правду, всю чистую правду, как к тому призывает сейчас нас, коммунистов, наша партия. В этих священных ленинских местах словно бы выкристаллизовалась в моем сознании и такая важная для меня истина. Настоящее искусство должно не только вызывать у людей благородные чувства, но и побуждать их к конкретным действиям, дающим конкретные плоды. Вот эти плоды я и называю для себя «прибавочной стоимостью» искусства.

...Он подходит к рампе решительным шагом человека, которому необходимо рассказать собравшимся в зале о чем-то важном, волнующем. Донести до аудитории пламенное слово поэта-трибуна Владимира Маяковского, нежную лирику Сергея Есенина, священный патристический бессмертный «Слова о полку Игореве». Люди разных эпох, характеров, социальных и человеческих особенностей предстают перед нами в спектаклях «Театра одного актера». Это ему — Балашову писал Константин Федин: «Писатели благодарят вас, Сергей Михайлович, за страсть, за яркость, с какими вы выходите на сцену, на эстраду или арену, чтобы из слушателей вашего искусства вырастить новых и новых ценителей искусства писательского слова». Как многое сделано талантливым артистом, чтобы глубже, доступнее раскрыть своим современникам все многообразие творчества Пушкина и Гоголя, Горького и Алексея Толстого, Шолохова и Самеда Вургуня... Но есть одно имя, которое особенно близко Балашову, — Владимир Маяковский.

— Почему? — переспрашивает Сергей Михайлович. — Для этого надо вернуться назад больше чем на полвека. Для меня это, как день рождения, 17 марта 1930 года. Ленинград. На сцене филиала Большого драматического театра шла «Баня». Я играл тогда Победоносикова. Можете себе представить мое состояние: один из первых спектаклей, можно сказать, премьеры, а в зале сам автор пьесы, который всем нам, молодым, представлялся воистину знаменосцем культурного фронта. Трудно передать сейчас, каким огромным, всепокоряющим было влияние «агитатора, горлана, главаря» на всю творческую жизнь моего поколения. Народу в зале в тот вечер было полно, а мне казалось, что там только он один — Маяковский. Отлегло только тогда, когда Владимир Владимирович после спектакля пришел за кулисы и пожал мне руку. Творчество Маяковского, художника и гражданина, во многом определило мою актерскую судьбу. Мне всегда хотелось жить и работать «по-маяковски».

— Но все же как случилось, что вы, по тем временам уже довольно опытный драматический артист, играли на сценах Перми, Уфы, Ленинграда и вдруг оставили театр и целиком посвятили себя искусству художественного чтения?

— Нужно вспомнить, какое это было время. Начало тридцатых годов. Лозунг «Пятилетку — в четыре года!» не сходил со страниц газет, им жила вся страна. Новые слова: социалистическое соревнование, трудовая вахта, Днепротрас, Турксиб, Магнитка — звучали повсюду. Именно тогда я стал чувствовать: вне гражданской темы в такое время не может быть искусства, оно должно реально помогать народу. В таком душевном состоянии приступил я к работе над своей первой литературной композицией. Она называлась «Турксиб» и была посвящена трудовому подвигу покорителей пустыни, проложивших в труднейших условиях железную дорогу, соединившую республику Средней Азии с Сибирью. С этой программой я выступал на заводах и фабриках, на лесозаготовках. Следующей работой было «Письмо ленинградского пролетариата». А затем — большая композиция, посвященная строителям Челябин-

ского тракторного завода, за которую завком удостоил меня звания ударника ЧТЗ.

В таком общении с рабочей аудиторией я по-настоящему ощутил, какую большую силу таит в себе живое, согретое сердцем художественное слово, и тогда убедился и сейчас, спустя 55 лет, верю, что сделал правильный жизненный шаг, перейдя из театра на эстраду.

— Хотелось бы узнать у вас, Сергей Михайлович, как вы понимаете значение слов «художественное чтение»? Ведь есть немало людей, рассуждающих примерно так: «А разве я сам не в состоянии взять книгу и громко прочитать какое-нибудь понравившееся мне стихотворение, рассказ, прочитать с чувством, с выражением?»

— Конечно же, каждый человек может и сам прочитать вслух полюбившееся ему произведение. Но артист при этом ставит перед собой задачу шире, глубже. Вот, скажем, Шекспира играют веками, каждое его слово на слуху, все здесь, казалось бы, известно. Но вот артист, вопреки общепринятым канонам, играет Гамлета не пришибленным эпохой, мятущимся в своих сомнениях и обидах мучеником, а раскрывает его как человека, который борется против несправедливостей этой эпохи. И вместо того чтобы задавать себе вопрос «Быть или не быть?» с привычным для традиционного принца Датского меланхолическим упором на слово «не быть», актер этот всем своим внутренним мироощущением, всей логикой развития характера провозглашает: «Быть!». Вот это «быть!» и стало, например, жизнеутверждающим творческим ключом в моей интерпретации Гамлета, когда я работал над своим одноименным шекспировским спектаклем.

— Видимо, вся практика вашего «Театра одного актера» представляет широкое поле для творческого самовыражения артиста?

— Несомненно. Сам для себя составляю тексты литературных композиций, сам выступаю в качестве режиссера, музыкального оформителя и исполнителя всех ролей и даже собственноручно всегда изготавливаю сценический реквизит для своих спектаклей. В этом для меня вся прелесть моей работы. Хочется самому за все отвечать перед зрителем.

— У нас в Подмоскovie широко развита клубная художественная самодеятельность. Вот и проходящий сейчас 2-й Всесоюзный фестиваль народного творчества показал, что многие из самодеятельных артистов столичной области всерьез увлекаются художественным чтением. Что бы вы, Сергей Михайлович, могли сказать в адрес молодых коллег, пробующих силы в этом жанре?

— Я и сам, к слову сказать, начинал в клубных любительских кружках. В разные годы мне не раз доводилось участвовать в качестве члена жюри в различных конкурсах и смотрах, в том числе и подмосковных, самодеятельных чтений. К кому из них у меня обычно лежала душа? К тем, кто имел хотя бы в зачатке собственный «голос», а не подражал испытанным образцам профессиональной эстрады. К тем, кто ищет собственные индивидуальные приемы сценической выразительности и проявляет добрый вкус в подборе содержательного, оригинального репертуара.

Последняя, новая программа Балашова, которая носит название «Торжество разума», продолжает благородную традицию его предшественников литературно-музыкальных композиций разных лет — «На страже Родины», «Эстафета мира» и других. Вобравший в себя вековую мудрость, мысли и гуманистические чаяния величайших гениев человеческого разума, спектакль этот зовет к борьбе за светлое будущее народов, и борьбе всего нашего поколения за мир во всем мире.

Сергей Михайлович успел выступить с этой новой работой только дважды — перед своими коллегами по искусству. В самое последнее время у него внезапно ухудшилось зрение. Предстоит операция. Но артист ни на один день не прекращает работы над дальнейшей совершенствованием своей новой постановки. Каждое утро начинается с многочасовой речитации. С волнением ждет он момента, когда сможет вынести свой труд на суд широкой публики.

— До свидания, Сергей, прощайся, Балашов. — До встречи на премьере «Торжество разума». Беседа вел А. АМАСОВИЧ.